

Зазеркалье. Авторская рубрика Зои БОГУСЛАВСКОЙ

Продолжаем публикацию эссе Зои Богуславской. На этот раз она представляет писателя, драматурга, режиссера и актера Евгения Гришкова. Стремительная карьера молодого мастера, начавшаяся со студенческого кемеровского театра "Ложа", безусловно, стала ярким явлением в российской культурной жизни конца 90-х годов. Наши читатели ждут встречи с Олегом Меньшиковым, Василием Аксеновым, Аллой Демидовой, Олегом Табаковым и другими. Более подробно эссе З. Богуславской можно посмотреть в рубрике "Зазеркалье. Встречи" на сайте www.ozon.ru/zerkaloi

Его вхождение в литературу уникально. Он не писал ученических повестей, отвергаемых издателями, не читал рассказов маститым литераторам, немея от ужаса. Он возник "ниоткуда". Его "родословная" не отягощена именитыми родителями или героической биографией. Он возник ниоткуда. Трудно определить даже сам род профессии Евгения Гришкова. Как принято сегодня: "Кто он?" Кто этот 34-летний калининградец родом из Кемерова, которого так быстро вознесла публика, полюбили жюри премий, главные режиссеры и редакторы газет?

"Я – человек без названия", – как-то сказал он о себе. Позднее: "Я – человек театра", "новый сентименталист", "исполнитель написанных мной историй". Некоторые критики суеились: "Наш русский народный Пруст". Похоже, трудность обозначения таланта новопривышлого связана с некой неформулируемостью, непрощуваемой приоритетов в его индивидуальности. Когда-то критики долго спорили о Булате Окуджаве. Поэт? Бард? Прозаик? Исполнитель авторской песни? Таким "человеком-оркестром" был и Ираклий Андроников. Ни под одно из определений отдельно он не подходил.

Спрашиваю:
– Как случилось, что вы впервые "съели собаку"?

– В первый раз я сыграл спектакль ("Как я съел собаку") без этого названия в своем родном городе, в своем театре, то есть в Кемерове, в театре "Ложа". Я сделал это из желания избавиться от моих воспоминаний. Сегодня не осталось практически ничего от первоначального варианта спектакля. Но я понял тогда, уже во время первого показа, что играть так я больше не могу. Потому что это слишком изнурительно. А на следующий день понял, что по-другому играть не могу. Потому что нет смысла. Это было осенью 98-го...

Поразительно, как за два года Евгений Гришковец "продвинулся" в общественном мнении. Теперь он уже и автор сборника пьес в книжке "Город", на его выступлениях и спектаклях свободных мест не водится. В чем же зарплата собаки его успеха? В интонации. У Гришкова свой soundtrack. Уже узнаваемый. Его сочинения игнорируют любой пафос, он живет, не повышая голоса, опираясь бесконечному бахвальству официоза, ложному самообольщению. Его тексты как бы говорят: "Обратите на меня внимание. Я не совершаю подвиги, не стремлюсь в политическую тусовку, не претендую на концепцию действительности и постижения смысла. Я всего-навсего живу, как хочу". "Я живу вне обид и протеста", – скажет он в одном из своих интервью.

Сегодня Гришковец – явление камерное (пока еще). "А кто это такой", – задают мне вопрос и те, кто просто впервые слышит его имя. Массовое сознание последних поколений формировалось более всего лидерами авторской песни, которые были намного выше толпы, им поклонявшейся. После Окуджавы – Высоцкий, затем Гребенщиков, Цой, Шевчук – десятилетия молодежи говорили их слоганами, поступала по кодексу чести, или установленному. Евгений Гришковец – антилидер. Он боится толпы, дистанцируется от мнения большинства. Ка-

жется, он претендует лишь на сопереживание или улыбку.

– Как же у вас все так хорошо получается? Кто-то же должен вести переговоры, подписывать контракты. Кто-то за вас обязан торговаться с менеджерами, ставить условия издателям?

У меня нет определенно сложившихся отношений ни с издателями, ни с театрами, – говорит Женя. – Я живу за счет тех спектаклей, в которых сам участвую. А те гонорары, которые мне платят за то, что идут мои пьесы или за издание книжек, меня просто удивляют и радуют. Но я к ним отношусь, как к чему-то неожиданному и приятному. Как к подарку. В общем, я ни у кого не стою над душой, чтобы мне непременно отдали положенные мне деньги. И ни с кем не устанавливаю обязательных и долгосрочных отношений. – Он улыбается. – Пока не устанавливаю. Все пока происходит слишком быстро. Мне все время хочется перед всеми извиниться.

Спрашиваю его, кем бы он хотел быть, если бы не был тем, что он есть. На лице Гришкова крайняя степень недоумения.

– Вот кланюсь всем, чем можно. Не знаю! Если бы я знал, что я люблю больше всего, я бы это и делал. Наверное, я и делаю то, что я люблю больше всего. У меня никогда не было много денег. И поэтому каких-то фантазий, реализация которых невозможна по причине отсутствия денег, у меня не бывает. А когда они станут возможными, быть может, уже не будут вызывать у меня никакого желания. Я не думаю об этом. Вообще не думаю. Честно. – Он секунду медлит, потом спохватывается. – Хотя от больших денег я бы не отказался. Здорово было бы, если бы было много-много денег.

– Значит – предназначение? А может, судьба или случай?

– Если бы я не был тем, кто я есть, то есть не был бы мальчиком, родившимся в 1967 году в городе Кемерове, и прочее – я, может быть, родился бы в Аргентине, или Исландии, и вы бы меня сейчас ни о чем не спрашивали бы. А мне приятно, что вы меня спрашиваете. Значит, неплохо родиться в 1967 году в Сибири. Во всяком случае, надежда есть и в этом.

Быть может, Евгений Гришкова заворачивает сама эта бесцельность, недетерминированность его существования. Ему нравится плыть в неизвестном направлении. Но можно ли продвигаться в театральном мире без какой-либо инициативы? Какой может быть случай, если тебя поджимают финансирование, срок сдачи пьесы, репетиции, подготовка рукописи к набору.

– Вы ломали характер? Научились управлять собой и подстраиваться под график?

– Я испытал просто шок, когда понял, что мои пьесы будут ставиться, что известные столичные актеры будут в них играть. Это поразительное чувство, когда на сцену выходит живой человек и произносит твой текст. А вот когда выстраивается график, мне становится неинтересно.

– Когда вы приехали из Кемерова, были ли режиссеры, актеры, писатели, с которыми вы хотели бы немедленно встретиться на сцене или в жизни?

– ... Я не видел тех великих спек-

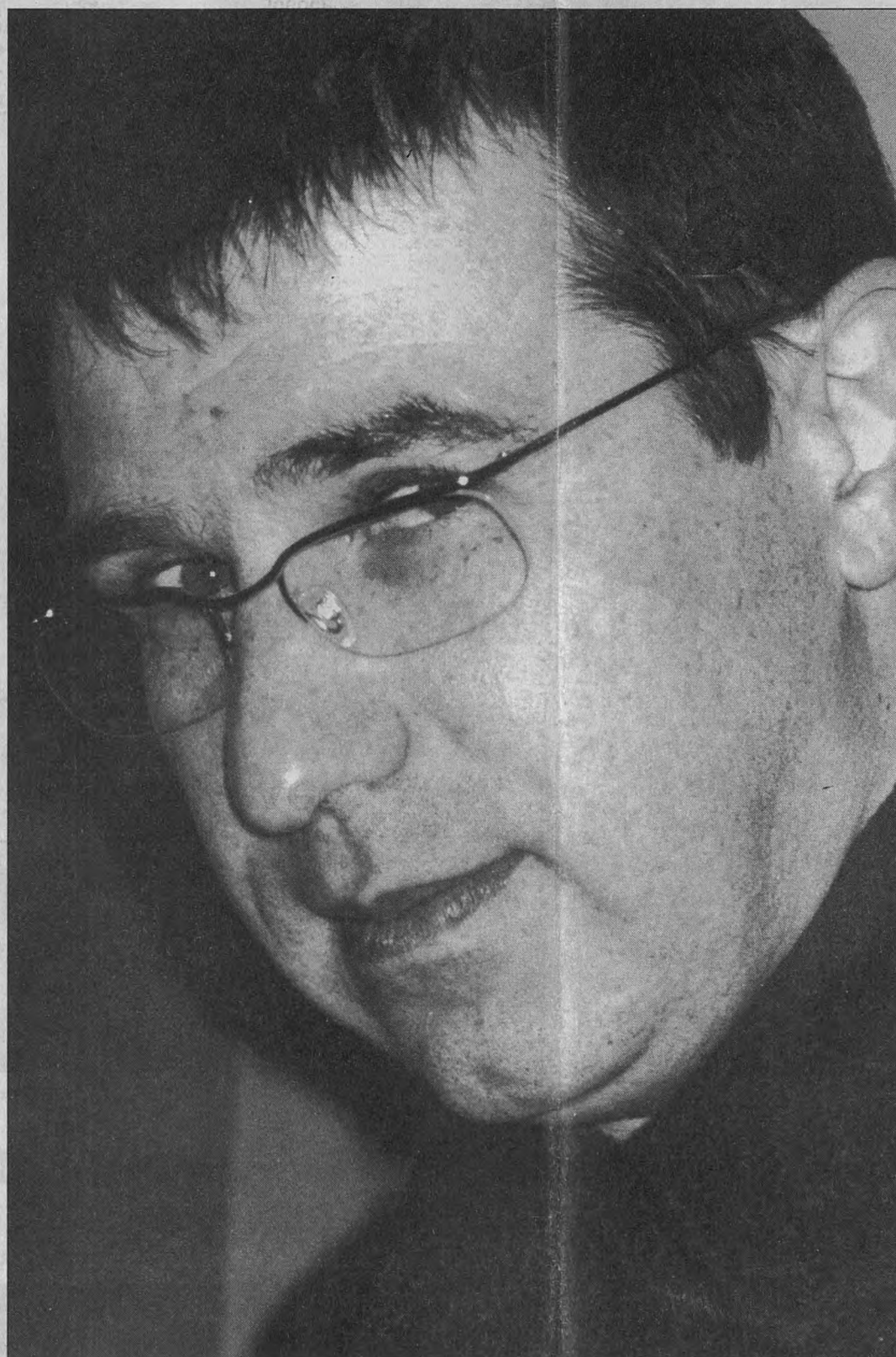

Фото Л. АНДРЕЕВОЙ

таклей, которые должен был бы увидеть. Я не видел ни одного спектакля Эфроса, Васильева... И значит, для меня их не существует.

Евгений Гришковец очень любит кино, но предпочтений своих не выдает. О литературе говорит: "Жизнь Арсеньева" Бунина – самый остро попадающий в меня текст". Об актерах – что на расстоянии любил: Черкасова, Толубеева, Меркурьева, Янина, Зиновия Гердта, Леонова, Панована... Всех их он знает только по экрану. Однако добавляет: "Те же киноактеры, которых я потом увидел в театре, как правило, меня удивляли, и я не мог их узнать".

Вот так. Евгения Гришкова удивляют те киноактеры, которых он видел в кино, но в театре узнать не может. Это существенно. Киноформирующая составная творчества определила, как мы знаем, мироощущение многих властей предержавных.

...В нашу первую, февральскую, встречу (после присуждения Е. Гришковцу малого "Триумфа") он был немного растерян, уходил от повышенного внимания, на коктейле держался особняком. Я помнила его по спектаклю в Театре "Школа современной пьесы", слышала от

взахлеб хваливших его критиков, что появление Гришкова – это нечто совершенно новое в привычном раскладе нашей культурной повседневности. На заключительном вечере триумфовского фестиваля, когда мне довелось в ЦДЛ представлять участников-лауреатов, он очень тихо прочитал короткий рассказ. Зал аплодировал намного громче. Впоследствии возникла идея провести цикл авторских вечеров, где каждый показал бы себя "объемно", в течение полутора часов. Так случилось, что первый в жизни авторский вечер Евгения Гришкова открыл этот цикл. Публика осталась довольна, скандировала, многие просили автограф.

Потом была вечеринка. "Герой вечера" переминался с ноги на ногу, растерянно отвечая на поздравления, восторженные взгляды известных артистов.

Теперь мы сидим в том же клубе писателей, в полупустом кафе, на столе – легкая закуска. У моего собеседника позади уже три спектакля в Театре "Школа современной пьесы" (на выходе четвертый), успешные гастроли по столицам Европы, премии, фестиваль в Авиноне. Пиджак, легкая небритость,

чуть задыхающийся голос, длинные паузы раздумий во время трудных ответов – вроде бы он мало изменился. Он, безусловно, вызывает симпатию, мне нравится, что в нем нет лоска преуспевающего тусовщика (с джентльменским набором – машина, дача, топ-модель на банкетках), нет и желания эпатировать неряшливым прикидом. Он натурален, естествен и неожиданно открыт. Похоже, сегодня он попал в переплет. "Видите, – показывает, – похудел на одиннадцать кг. Актриса, для которой писал пьесу, – ускользнула".

Что же делать, говорю, если обманула та мечта, как всякая мечта. Все через это проходят.

– Пьеса готова, я вложил в нее чересчур много личного, как теперь быть, что делать? Все не состыкуется, надо придумывать другую ситуацию.

Я киваю: действительно. – Я занят поисками актрисы, которая могла бы сыграть роль героини (кроме той, для кого написана). Подошла бы одна замечательная (он называет имя), мы с ней дружим. Но и здесь что-то не получается, у нее съемки, обязательства...

Евгений Гришковец обладает

свойством вызывать сочувствие, желание вникать в его проблемы, помогать ему. Быть может, из-за его полного (или кажущегося) бессребреничества.

– Женя, а вдруг на вас все же свалилось бы очень много денег, и было бы обязательно делать столько всего. Что бы вы выбрали?

– Я ни разу не работал за деньги. Я именно в виду, что ни разу не согласился на такую работу, которая мне была бы неинтересна или неважна, но за нее хорошо платили бы. Вот такие мои отношения с деньгами.

Он полагает, что в театр люди ходят для того, чтобы услышать истории про себя, а не про каких-то неизвестных им героев, он понимает сегодня, что всю жизнь пытался делать абсолютно счастливый театр, чтобы актеры ощущали себя людьми, существами независимыми, которым дано реализоваться как профессионалам.

Спрашиваю, есть ли все же ближайший график его выступлений.

– Как только оказывается заполненным этот график, он перестает меня радовать.

– Есть ли предел ваших возможностей? – спрашиваю. – Вы уже были театральным актером, создателем театра "Ложа", моряком, драматургом, импровизатором, сейчас собираетесь играть в сериале Адабашьяна по акининскому "Азавель". Слышала, вам предложена эпизодическая роль убийцы. Когда остановитесь?

– На самом деле, когда мне предлагают делать что-то, что находится за пределами моих возможностей, я отказываюсь, не раздумывая. Так что нет даже момента выбора, но я этого не боюсь. Но вопрос о том, когда я остановлюсь, – это важный вопрос. Очень важно это сделать вовремя. Но я не хочу знать, когда. Посмотрим.

Как можно исполнять тексты Гришкова на чужих языках – мне непонятно. Какова доза импровизации в тех местах, где реалии нашей действительности малопонятны даже самим россиянам? Куда они, иностранцы, денутся от наших подтекстов, недомолвок, тайных компроматов и наездов на соперника? Только что в нью-йоркском Централ-Парке поставили чеховскую "Чайку" (Мэрил Стрип, Натали Портман, Кристофер Уокен, Кевин Кляйн и др.) – парад актерских индивидуальностей. На премьере публика смеялась до упаду. "Американская публика любит в театре смеяться, – говорит постановщик Майкл Николс. – Мы же ставили "Чайку" как комедию". А мы-то думали – повесть о разбитой жизни. Мне хорошо запомнился совет прелестной американки, которая меня поучала: "Главное, никогда не давай себя расстроить, и все у тебя получится". А нам-то, россиянам, подавай драму, кровопускание, чтоб по краю пропасти, у последней черты... Нам не живется спокойно, и мы мало смеемся.

Влияет ли география его выступлений по Европе на тексты и их исполнение?

– Конечно, – подтверждает он, – география накладывает свой отпечаток на изменения и развитие текстов, которые я произношу. Текст "Как я съел собаку", сыгранный в Екатеринбурге, – это совсем не тот же, что услышат люди в Цюрихе.

– А вот эти переиздания ваши, "хота к перемене мест"? Они влияют?

– Три года назад я переехал из Кемерова, моего родного города, в город Калининград, который был родным городом Канта. И после этого ощущение мира изменилось. Просто стало понятно, что из родного города неважно, куда уезжать. Если уехал – география придет сама собой.

Мы говорим довольно долго, поразительно – Гришковец не смотрит на часы, кажется, он никуда не торопится. Ну конечно, для него существует только настоящее, только то

время, которое протекает. Теперь он рассказывает, что его родители не влияли напрямую на выбор профессии, хотя помогали и радовались за него, что самые острые и глубокие впечатления связаны с холодной бесконечной сибирской зимой, отъезжающими поездами, речкой Томью. Он говорит о любимых людях, которые его окружали.

– А где нашли свою будущую жену?

– Я обнаружил ее в той студенческой группе второго курса филфака, куда вернулся после трех лет службы на флоте.

Гришковец уверен, что жить хочет только в провинции, но в провинции почему-то работать не может, а в Москве ему это удастся. Вместе с тем он сетует, что в Москве можно пережить одиночество в такой степени, что, попадая в провинцию, оно кажется смешным, нелепым и приятным.

– Стараюсь любить Москву. Не люблю, а стараюсь любить. В Москве меня очень любят, поэтому и стараюсь поддержать в себе эту любовь к Москве.

С женой вместе бывает мало, однако то, что для него является важным, она разделяет, но и сама "является важнейшей для меня".

– А бывает ли "за державу обидно"?

– Были периоды, когда я очень остро все переживал. Теперь нет. Я осознал: у меня нет возможности влиять на жизнь государства. А любовь государство устроено нехорошо. Я почему-то по этому поводу теперь не переживаю. Но в то же время мне не наплевать, что происходит в моей стране. Я хожу голосовать, я смотрю новости. А что мне еще остается?

Болезнь тема, его служба на флоте. Конкретно о том, что делал там, не упоминает. Порой ему кажется, что это потерянные годы, что он служил зря. Ему часто снится, что его забирают снова, и он не может сообщить родным, что не вернется домой. Он в ужасе от того, что все его планы рушатся, но все равно, даже во сне, безропотно снова едет служить. В другой раз он полагает, что служба на флоте не прошла даром. Но эта мысль быстро уходит. "В той школе унижения, которая была на службе, нет никакой пользы", – признается Гришковец.

Он живет по-настоящему, не торопясь времени на саморекламу и шоу, не использует информацию, полученную в беседах, как основу сочинительства. Похоже, ему действительно удается жить с большой дозой бескорыстия (а может быть, безответственности), что с людьми модными, столь мгновенно получившими внимание публики, происходит крайне редко.

За окнами кафе темнеет, хотя на дворе самые долгие дни лета. Женя надписывает мне свою первую книгу "Город", которую я уже прочитала. Мы медленно идем по вестибюлю ЦДЛ, украшенному шурами крупных животных (как атрибуты ресторана "Записки охотника"). Расставаясь, не могу не спросить, от кого и как он узнал о присуждении Молодежного гранта "Триумфа".

– Я узнал об этом, когда был в Вильнюсе на гастролях, – говорит он. – И сначала подумал, что это розыгрыш. Про молодежные гранты я ничего не знал, а про "Триумф" – слышал. Поэтому понимал, что к подобной премии я отношения иметь не могу. Это решительно невозможно. Когда все подтвердилось и я узнал подробности, конечно, обрадовался. И даже не столько деньгам, сколько новой для меня компании.

– Для вас 2,5 тысячи долларов мало или много?

– Это довольно много. Особенно, если ты их неожиданно получил или неожиданно потерял.

– И под конец совсем тривиальное: чего вы ждете от будущего? – Счастья.